

А. А. Лебедева

РОЛЬ МАТЕРИАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ В ТРАДИЦИОННОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.)

Многие стороны русского крестьянского свадебного обряда не раз детально рассматривались различными исследователями XIX—XX вв. Однако крестьянская свадьба в русских селениях Сибири в печати освещалась очень мало. Материал на обширной территории Сибири собирался очень локально и почти не публиковался. В большинстве публикаций свадьба рассматривалась попутно с другими явлениями жизни населения¹. Имеется ряд довольно больших статей о русской свадьбе в Западной Сибири², подобных же публикаций на материалах Восточной Сибири совсем немного³. В современных работах о русском населении Сибири проблемы брака также нередко исследуются попутно с другими вопросами⁴. Лишь в отдельных статьях они являются основными, но рассматриваются, как правило, в плане юридическо-правовом⁵. Видимо, этот ракурс послужил причиной того, что сложилось впечатление об отсутствии у русского старожильского населения Сибири своей специфики свадебного обряда.

Сибирь обширна и многообразна как по своим географическим и экономическим условиям, так и по степени контактов различных групп

¹ В. Т. Плотников. Этнографические заметки.— «Тобольские губернские ведомости», 1859, № 5; И. С. Поляков. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби по поручению Академии наук. СПб., 1877; Б. Г. Герасимов. В долине Бухтармы.— «Записки Западно-Сибирского подотдела РГО», вып. V. Семипалатинск, 1911, с. 73—75; С. И. Гуляев. Этнографические очерки Южной Сибири.— «Библиотека для чтения», т. 90, СПб., 1848.

² М. Н. Костюрина. Крестьянская свадьба в подгородных деревнях г. Тобольска.— «Ежегодник Тобольского Губернского музея», вып. IX, Тобольск, 1898; Н. О. Осипов. Ритуал сибирской свадьбы.— «Живая старина», вып. 1, СПб., 1893, с. 96—114; Ф. Зобнин. Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Устькаменогорского уезда.— «Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г.», вып. IV; С. П. Кафка. Свадебный обряд, песни и заговоры Томского округа.— «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. XXV, Екатеринбург, 1905, с. 35—61; А. Белослюдов. Свадебный ритуал «каменщиков».— «Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО», вып. X, 1915.

³ Н. И. Кашин. Свадебные обычаи приаргунцев.— «Вестник русского географического общества» (далее — «Вестник РГО»), ч. 12, СПб., 1860, с. 147—182; М. Овчинников. Старинная свадьба в с. Рыбинском Канского уезда Енисейской губ.— «Сибирский архив», Иркутск, 1912, № 11—12, с. 888—898.

⁴ Л. М. Сабурова. Культура и быт русского населения Сибири. Л., 1967, с. 180—184; А. А. Лебедева. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта.— «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии». М., 1969, с. 163—166; *ее же*. Семья и семейный быт русских Забайкалья.— «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири». Новосибирск, 1975, с. 91—97.

⁵ См., например, Н. А. Миненко. Брак у русского крестьянского и служилого населения Юго-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX века.— «Сов. этнография» 1974, № 4, с. 37—54.

русских с другими народами. В сложении свадебного ритуала и брачных отношений большую роль играла здесь степень контактов. Изучение процессов взаимодействия с соседними народами и его результатов для этнографа гораздо интереснее, чем констатация чего-то уже утвердившегося и постоянного.

В этнографической литературе уделялось недостаточное внимание материальной стороне свадебного ритуала, что не позволяло вскрыть особенности русской свадьбы в Сибири и ее вариантов. Почти не был освещен вопрос о приданом невесты, о его происхождении, составе и назначении, о характере даров на свадьбе и т. д.

Наши полевые материалы, собранные в русских селениях Сибири⁶, и рукописи, выявленные в архивах⁷, дают возможность подробно охарактеризовать материальные компоненты свадьбы. Они составляли существенную часть свадебного обряда и всегда играли важную роль на всех этапах (предсвадебном, свадебном и послесвадебном) традиционного свадебного обряда на всей территории расселения русских в Сибири.

К материальным компонентам свадебного обряда мы относим предметы традиционной свадебной одежды жениха и невесты и специфически обрядовые элементы этой одежды у других участников свадьбы; приданое невесты, на которое затрачивались большие средства; «дары», по традиции и взаимному согласию готовившиеся обеими сторонами и подносившиеся на разных этапах свадебного обряда, а также свадебные дары жениху и невесте от родственников и друзей.

Материальным компонентом свадьбы является и еда, отличавшаяся изобилием как в доме невесты, так и в доме жениха. Договором сторон определялось количество *столов и перемен*, продолжительность свадебного пира. К свадьбе обязательно варили много пива — «без пива свадьбы не сделаешь», — гласила народная поговорка. На свадьбах среднего достатка на стол подавалось не менее девяти блюд⁸, на богатых бывало и до 30 перемен кушаний⁹, а застолье длилось десять и более часов. Обильными были и послесвадебные традиционные угощения в доме родителей молодой (так называемые *переездины*, *хлебины* или *блины*), у родственников, гулявших на свадьбе, а также заключительное большое застолье в доме молодых во время гуляния, известного в ряде мест Западной Сибири под названием *коральки*.

К материальным компонентам мы относим также снаряжение свадебного *поезда*. Свадьба среднего достатка имела 5—8 повозок (с обеих сторон), запряженных парами и тройками коней. Сбруя на них сверкала начищенными медными бляхами, дуга украшалась разноцветными лентами. В свадебных поездах Курганского и Ялуторовского округов Тобольской губернии лошадей покрывали коврами, подпруги также были яркие, ковровые и тканые гарусные вожжи. Такой поезд обычно был очень красочен и двигался под залиvistый звон поддужных колокольцев — *брякунцов* и нашейных — *шаркунцов*¹⁰. Свадебный поезд «охраняли» верховые всадники, обычно с ружьями. В горных

⁶ Научный архив Ин-та этнографии АН СССР (далее — АИЭ), Материалы комплексной экспедиции. Забайкальский отряд. Записи А. А. Лебедевой, 1960, л. 28, 54, 75, 114, 115, 169, 170, 176—178; АИЭ, Материалы Западно-Сибирской экспедиции. Курганский отряд. Записи А. А. Лебедевой, 1970, 1972 гг.

⁷ Архив Географического общества СССР (далее — АГО), ф. 59, оп. 1, д. 7, 13, 17; ф. 61, оп. 1, д. 23, 29, 33 и др.; Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА), ф. 560, оп. 27, д. 86, 87; ф. 1274, оп. 1, д. 3; ф. 1290, оп. 6, д. 333.

⁸ М. Н. Костюрина. Указ. раб., с. 8; М. Овчинников. Указ. раб., с. 10.

⁹ А. Абрамов. Ялуторовский округ Тобольской губ. 1863. — АГО, ф. 61, оп. 1, д. 23, л. 62.

¹⁰ Брякунцы — медные бляхи с кольцом, прикрепленные на верхней части хомута; во время езды кольцо, падая на бляху, звенит; шаркунцы — пустые медные шарики с дробью, нашитые на кожаный ошейник, надеваемый на шею лошади. В Западной Сибири шаркунцы привязывали также и к сбруе.

районах юго-восточной части Тобольской губернии жених и невеста в сопровождении гостей ехали венчаться верхом на «серебряных» седлах работы казахских мастеров, выполненных по специальному заказу. «Серебряные» седла изготовляли из хорошей кожи и украшали серебряными узорными пластинками¹¹.

Свадьбы в русских селениях Сибири справляли обычно осенью (по окончании полевых работ, когда убран урожай, заготовлены корма для скота) и зимой — до масленицы. Изредка свадьбы устраивались весной, по окончании сева. В восточных районах Забайкалья зимой свадебный поезд состоял из праздничных санок с конной запряжкой, весной же все ехали верхами на нарядных седлах работы бурятских мастеров.

По традиции¹², за день-два до свадьбы в дом жениха приглашались женщины и девушки «скоблить» пол, стены и потолок. По завершении работ «мытниц» хорошо угощали и катали в повозках по улицам села, оповещая тем самым жителей, что у жениха мыли избу.

В ходе изучения материальной культуры русского населения Сибири и его этнокультурных связей выявилось своеобразие свадебной обрядности этого региона и в то же время обнаружилось аналогии с элементами северорусской и южнорусской свадеб. Некоторые элементы сибирского варианта русского свадебного обряда и его материальных компонентов были заимствованы у других народов, в соседстве с которыми русские на территории Сибири жили издавна.

Так, например, в ряде старожильческих селений Сибири, хотя и в разной степени, бытовал калым. Л. М. Сабурова отмечает в своей книге¹³, что на Ангаре за дочерью давали приданое, а на Илеме, наоборот, покупали жен. Исследователи быта русского населения Западной Сибири М. Н. Костюрина и И. С. Поляков считали, что калым русские заимствовали у татар. Калым прослеживался и в старожильческих русских селениях Забайкалья, где русские жили в соседстве с бурятами и эвенками. Его размер оговаривали во время «рукобитья», когда отец невесты требовал за нее выкуп. Жених должен был предоставить вино для угощения на свадьбе или дать денег на вино и различные продукты (мясо, хлеб, кирпичный чай), а также «потник» (войлок) для невесты¹⁴. Калым у русских старожилов обычно был незначительным и весь уходил на подготовку свадьбы. Выражался он в натуральных продуктах и в незначительных подарках невесте и ее родным и существовал лишь в тех селениях, где русские жили в близком соседстве и тесном общении с другими народностями (татарами, бурятами, эвенками). Мы склонны считать, что в русских селениях Сибири в XIX — начале XX в. бытовал лишь заимствованный у соседей термин «калым», утративший свое первоначальное содержание и означавший материальную помощь жениха невесте и ее родителям на свадебные расходы. Исследователь М. Н. Костюрина пишет, что «при сватовстве подробно выговаривался «калым» или «дары» за руку невесты»¹⁵. Это высказывание подтверждает наше положение о бытовании термина «калым», равнозначного «кладке». У восточных славян выкуп невесты известен издревле («золотая гривна»). Он прослеживался в Тобольской губернии как «кладка» и в начале XX в. «Кладку» «выго-

¹¹ Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова. Хозяйственный быт бухтарминских старообрядцев. — «Бухтарминские старообрядцы». Л., 1930, с. 56.

¹² П. Лепехин. О свадьбах крестьян Тобольской губ. Ишимского уезда Истоминского прихода. — АГО, ф. 61, оп. 1, д. 29, л. 7; АИЭ, материалы комплексной экспедиции. Забайкальский отряд. Записи А. А. Лебедевой, 1960 г.

¹³ Л. М. Сабурова. Указ. раб., с. 181.

¹⁴ Н. И. Кашин. Указ. раб., с. 152; АИЭ, Материалы комплексной экспедиции. Забайкальский отряд. Записи А. А. Лебедевой, 1960 г.

¹⁵ М. Н. Костюрина. Указ. раб., с. 4.

варивали» с жениха во время «сговора», в качестве материальной помощи «на подъем» или на «отлив» невесты (на свадебный наряд, на подарки во время свадьбы и др.).

В свадебном ритуале (как и в его основных материальных компонентах) в разных регионах Сибири наблюдались определенные различия.

Свадебный обряд складывался из многих компонентов. Он изобиловал торжественными церемониями, подчеркивавшими важность события, происходящего в жизни человека, семьи, общества.

Русская свадьба конца XIX — начала XX в. в Сибири основывалась в целом на самобытной традиционности, истоки которой уходят в очень далекие времена славянской истории. Так, например, в Курганском и Шадринском уездах Тобольской губ. в XIX в. проводился смотр невест, причем в Шадринском весной, а в Курганском зимой. Весенняя выставка невест отмечена путешественниками середины XIX в. в Великом Устюге, Новгороде и Котельниче¹⁶. Обычай весенней выставки невест до 80-х годов XIX в. сохранялся в Петербурге¹⁷. Смотр невест в разных местах проводился в разные сроки и имел свои локальные особенности. В Великий Устюг молодые девушки, собиравшиеся выйти замуж, приплывали на лодках, паромах и челноках со своим приданым и располагались в ряд на площади. В Вятке и Котельниче девятое воскресенье после пасхи известно как «девичий праздник», когда девушки надевали лучшие наряды с намерением привлечь женихов. Публичный «выбор невест» издавна ежегодно проводился в Новгородской губернии. Он приурочивался к весеннему престольному празднику и сопровождался народными гуляньями и ярмаркой.

Выставка невест в Курганском и Шадринском уездах также сопровождалась народным гуляньем и ярмаркой. Так, в село Чернавское Курганского уезда на смотр съезжались за несколько сот верст невесты и женихи с родителями. Приехавшие нанимали квартиры, где размещались на несколько дней. Обычно они привозили с собой и наряды для невест, чтобы показать их приданое.

Следует отметить демонстрационный, показательный характер свадьбы на всем пространстве Сибири. Экономическая сторона брака выступала на первый план в обрядовых действиях во время «сговора» и «девишника» в доме невесты, осмотра хозяйства жениха родными невесты, а также в ходе самой свадьбы. Нередко из-за больших расходов на свадебное угощение семья в целях экономии продуктов долгое время жила впроголодь. Возможно, именно это способствовало развитию в XIX в. обычая помощи однобоишников и родственников при проведении свадьбы. В Забайкалье и в Западной Сибири его называли *помощь* или *таскание*. Помогать начинали за неделю-две до свадьбы или накануне ее. Например, в Восточном Забайкалье приглашенные на свадьбу приходили накануне дня свадьбы в дом жениха и *кланялись* ему калачом или птицей, т. е. дарили пироги, кур или другую птицу¹⁸. Существовал традиционный перечень того, что можно и что не полагалось приносить на свадьбу. Этот перечень в разных районах был свой, но по всей Сибири никогда не дарили на свадьбу ржаную муку. В Забайкалье было принято приносить битую, обработанную птицу (кур, уток, гусей), а на юге Тобольской губернии — только живую.

¹⁶ «Обзор этнографического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии». Курган, 1895; ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 333, л. 1—78; Дм. Зеленин. Котельнический праздник «Все святые» и выставка невест. Вятка, 1906, с. 7, 8.

¹⁷ Н. П. Гринкова. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту. — «Сов. этнография», 1936, № 2, с. 39.

¹⁸ А. А. Лебедева. Семья и семейный быт русских Забайкалья, с. 96; Н. И. Кашиш. Указ. раб., с. 157.

Н. О. Осипов отмечает для Алтая другой вид помощи при подготовке свадьбы — снабжение провизией подружек, помогавших в доме невесты готовить приданое. В этом случае припасы выделяли семьи, принимавшие затем участие в свадьбе¹⁹.

Немалые затраты вызывала подготовка «приданого» невесты и свадебных даров невесты родным жениха и жениху. В состоятельных семьях после сговора подруги невесты недели две, а то и больше помогали ей шить приданое. В богатых семьях нередко нанимали и рукодельниц, которые шили и вышивали одежду для невесты и готовили

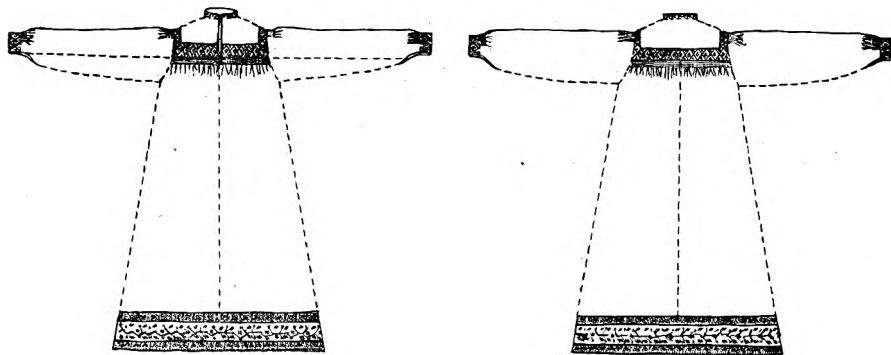

Рис. 1. Свадебная рубаша невесты. Конец XIX в. Тобольская губ., с. Покровское

дары, если приданое заранее не было подготовлено в нужном количестве. Приданое, как правило, было значительным даже у девушек-сирот, которым помогали родственники. Невесте-сиротке помимо помощи продуктами на свадебное угощение помогали справиться приданое: во время *девишника* ей дарили материю на одежду, головные платки, шали, скатерти, а на обзаведение хозяйством — ягнят, телят, кур, а также деньги. Возможно, были и другие варианты помощи, еще не зафиксированные этнографами.

В некоторых семьях, главным образом состоятельных, приданое начинали готовить, когда дочери исполнялось 6—7 лет, а иногда и с первого года рождения. В отдельных районах Сибири такой обычай существовал до середины XX в.

Приданое готовили в зависимости от благосостояния семьи, но всегда полагалось «справить постель», куда входили *потники* и шубные одеяла (в районах развитого животноводства) или перины. Обязательно готовили несколько подушек с «чехлами» — наволочками и *полог* к постели. В приданое всегда давали скот — лошадь, корову, поросенка, овцу, кур. У бухтарминских старообрядцев, особенно у зажиточных, невеста непременно получала в приданое лошадь, чтобы в новой семье иметь свое средство передвижения. (Ходить же пешком на работу на отдаленные заимки или в гости считалось неприличным для зажиточных семей, да и трудно было преодолевать большие расстояния). Необходимо отметить, что для обеспечения благополучия будущей семьи стремились давать в приданое или дарить живность с приплодом — корову с теленком, овцу с ягнятами, курицу с цыплятами, утку с утятами и т. д.

Обычно готовили много одежды — *лопотины*. Как правило, в приданое входили различные бытовые тканые и вышитые изделия — полотенца для интерьера, а также *рукотерники*, *наквашенники*, *настоельники* (скатерти), *насандучники* и др. В зажиточных семьях в приданое входили самовар, посуда, вилки и т. п. В Тобольской губернии коврами

¹⁹ Н. О. Осипов. Указ. раб., с. 98.

устилали свадебную повозку и покрывали ими лошадей (в богатых хозяйствах).

Крестьянская девушка обычно сама ткала холсты, сукна и сама же шила из холста подвенечную рубашу, украшенную по подолу тканым или вышитым узором. Тканый узор ромбовидной формы на свадебной рубаше сохранялся в селениях Тобольской губернии до 1920-х годов, что свидетельствует об устойчивости орнаментального сюжета.

Получив в приданое праздничную одежду, женщина наиболее дорогие вещи берегла для своих дочерей. Да она и не успевала их износить, так как надевала редко, главным образом в большие праздники. По неписаным законам, повседневной и праздничной одежды, полученной в приданое, должно было хватить женщине на несколько лет, чтобы не было попреков в семье мужа. В состав приданого входили также белые холсты и пестрядь для шитья одежды мужу, детям и себе.

В Забайкалье и в южных селениях Тобольской губернии невесты должны были готовить в большом количестве многоцветные скатерти: шерстяные, так называемые *сукманки* (Забайкалье) и полушерстяные — настольники (Тобольская губерния). В крестьянских и казачьих семьях скатерти в приданое готовили и в начале XX в., хотя казачки обычно заказывали их, а также полотенца и холсты крестьянкам-мастерицам («узорницы за цепы»), умевшим с большим искусством выполнять на крестьянском ткацком стане ткани с разнообразными узорами.

Стол после венца в доме молодого накрывали скатертями молодухи, причем одновременно их стелили несколько — одна на другую и одну наряднее другой. Впоследствии эти скатерти стелили в большие праздники. Со сменой блюд снималась и очередная скатерть — сколько перемен на столе, столько и скатертей.

Свидетельством трудолюбия невесты были свадебные полотенца, которые она изготавливала в большом количестве. В богатых семьях раздаривалось до 30 *дарных* полотенец; помимо этого многочисленные полотенца разного назначения привозились в дом жениха. Полотенца утилитарного типа — *рукотерты* и *утирки* отделялись тканым узором и вышивкой в меньшей степени, чем большие стеновые, которые служили украшением крестьянского интерьера. К стеновым пришивали еще крестьянские кружева и полосы кумача. Как только привозили приданое в дом жениха, полотенца развешивали для показа на иконы, на зеркало и по стенам *на спичках* (специальных деревянных гвоздях). «У кровати на занавес подвеса три вдвое сложенных красивых поло-

Рис. 2. Стеновое полотенце. Вторая половина XIX в. Тобольская губ., д. Бутаково

тенец навешивали»,— вспоминали пожилые крестьянки свою свадьбу или свадьбы своих подружек²⁰. Потом нарядные полотенца развешивали по большим праздникам в горнице.

В казачьих семьях не было такого обычая, но молодая должна была запастись полотенцами для бытового пользования на всю семью мужа.

В крестьянских селениях Забайкалья невеста получала в приданое *швейку* и корневую нарядную прялку. Если прялка оказывалась не корневой, а составной, то над невестой смеялись: «Какие твои родители ленивые, нерадивые, даже не могли найти корня на прялку». Таким образом, прялка свидетельствовала о трудолюбии родителей невесты, а тем самым и ее самой. Интересная аналогия прослеживается на Украине, где родители молодого уже после свадьбы приезжали в дом родителей невестки с пряниками, выпеченными в форме прядушей на прялке женщины (*пряхи*) и печеньем в форме бочки (*барило*). Пряху дарили матери невесты со словами: «Мы взяли у вас работницу пряху, вот вам взамен от нас работница пряха», барило отцу — «Мы взяли у вас водоноску, возьмите вместо нее бочку для воды»²¹.

Большое место в свадебном ритуале по традиции занимали *дары*. Они начинались со дня сватовства. Первые дары, или *товар*, приносил в день сговора сват. Товар обычно состоял из ситца или цветной дабы — на сарафан, одного-двух платьев и рубашки, платка на голову и двух наволочек для подушек (если жених был из состоятельной семьи). Если родители невесты принимали товар, то жених уже не мог получить отказа. Церемония заканчивалась веселым застольем. Родители невесты и сват уславливались о «девишнике». Иногда на сговор со сватом приезжал отец жениха. Сразу после сговора невеста дарила ему шейный *плат*, будущий свекор отдаривал ее деньгами. В некоторых селениях дары в день сговора или заручения называли «малыми», те же, которые подносили в последующем, — «большими».

В разных районах Сибири существовал и свой набор даров и строгая последовательность одаривания. «Выработанный веками ритуал, — отмечал Н. О. Осипов, — не только крайне сложен, но вместе с тем и обязателен, если только брачующиеся желают, чтобы их свадьба считалась приличной»²².

Если жених жил далеко от невесты, то приезжал к ней только с традиционным *приносом* (подарками), а если близко, то ездил один-два раза в неделю с орехами, конфетами, байховым чаем и т. д., смотря по достатку. В число традиционных подарков входил материал на платье невесте²³.

Архивные материалы середины XIX в. по Истоминскому приходу Ишимского уезда свидетельствуют о большом значении даров в свадебном обряде и о том, что большие свадебные дары обуславливались договором двух сторон²⁴. При сватовстве выговаривались дары, свидетельствующие о рукоделии невесты, которые она должна приготовить жениху и его ближайшим родным.

Иногда, если жених был незнаком родителям невесты, они настаивали на смотре. В этом случае жених приезжал к невесте со своими родителями, крестной и близкими родными. Он привозил подарки и угощение (Забайкалье и некоторые уезды Тобольской губернии).

²⁰ АИЭ, Материалы Западно-Сибирской экспедиции. Курганский отряд. Записи А. А. Лебедевой, 1972 г., л. 138—169.

²¹ Е. Карачевская. Свадебный подарок на Украине.—«Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР». Л., 1926, с. 196.

²² Н. О. Осипов. Указ. раб., с. 98, 99.

²³ А. Гинтович. Свадебные песни и обряды в Иркутской губ.—АГО, ф. 59, оп. 1, д. 33, л. 7.

²⁴ П. Лепехин. О свадьбах у крестьян Тобольской губ.—АГО, ф. 61, оп. 1, д. 29, л. 21.

В Ишимском и Ялуторовском уездах после заручения в день *малых смотрин* жених приезжал к невесте с крестной. В состоятельных семьях невеста в этот день дарила ему ковер для свадебных санок, ковровую подпругу, бранные гарусные вожжи и шейный плат. Жених в свою очередь дарил невесте сережки, ленты, деньги. Крестная получала от невесты шелковую шаль, а ее отдавала деньгами. В других местах малых смотрин не проводили, а встреча жениха и невесты, официальная со взаимными дарами, проводилась в день девишника²⁵. На девишник приглашалась вся родня жениха и невесты. Угощение было обильным. После трех холодных (студень, холодная говядина и баранина) подавали три горячих (щи, разные похлебки) кушанья, а за ним — три *жаркá* (жареная телятина, баранина и говядина). Затем еду убирали со стола и (в русских селениях около Тобольска) ставили больших размеров пирог с курицей — *курник*, а рядом большой поднос для подарков невесте. Церемония одаривания была традиционной: невеста подносила чарку с вином каждому гостю. Гость, выпив вино, клал на поднос материю на платье или скатерть, полотенце, посуду, деньги и т. д. По окончании одаривания невесты на стол ставили жареного гуся в знак окончания застолья и сигнала жениху с участниками свадебного поезда, *поезжанами* покинуть дом невесты. В юго-восточных селениях Тобольской губернии последним угощением за столом был курник, который так и назывался «курник — выгонщик из-за стола домой». Как только курник появлялся на столе, гости благодарили за угощение и выходили из-за стола. Невесту уводили в «куть», жених шел за ней и дарил там ей подарки — шаль, головной убор в соответствии с местной модой, ботинки. Почетные поезжане жениха также одаривали невесту, она же дарила им шали или полотенца.

В Енисейской губернии невеста на девишнике надевала подвенечное платье, привезенное в подарок женихом, и сидела рядом с ним за столом с гостями²⁶. Угощение было обильным, застолье длительным. Последним кушаньем здесь также был курник, но готовили его из ячменной крупы и посыпали сверху рублеными яйцами. Курник разрезала *стряпка*, она же обносила всех гостей, получая подарки. Проводив жениха и его родных, невеста снимала подвенечное платье, одевалась попроще и девишник продолжался.

Во многих селениях Тобольской губернии жених посылал невесте обусловленную договором одежду к венцу. В середине XIX в. это чаще всего были рубашка, сарафан, чулки, башмаки, шуба, шаль. В конце XIX в. было принято дарить невесте материал на одну-две *парочки* (юбка с кофточкой), шаль, башмаки и другие предметы свадебного туалета.

На девишнике невеста в соответствии с традицией дарила жениху подвенечную рубаху, пояс, опояску, шейный плат, шаль (она повязывалась через плечо), а иногда штаны, азиям или поддевку (согласно установленному договору при зарученье). В Курганском уезде прослеживается местная мода конца XIX — начала XX в. на нарядные портянки, которые невеста дарила жениху одновременно с другими предметами одежды. Портянки делались из белого холста с тканым или вышитым узором на краю. Иногда девушки-невесты покупали на портянки фабричную ткань (шелк, шерсть, атлас), украшали их цветными шелковыми лентами, прошивами, кружевами. Нарядный край портянки выпускался на голенище. Мода эта была недолгой и уже к началу XX в. прошла, хотя память о ней среди крестьян-старожилов сохра-

²⁵ М. Н. Костюрина. Указ. раб., с. 8; Н. И. Кашин. Указ. раб., с. 166; Ф. К. Зобнин. Свадебные обряды и обычаи казаков. — АГО, ф. 61, оп. 1, д. 37, л. 92.

²⁶ М. Овчинников. Указ. раб., с. 888—898.

Рис. 3. «Молодая» в нарядной парочке. Начало XX в. Тобольская губ., д. Бунтино

селениях около Томска в конце XIX в. было принято шить рубаху жениху из того же материала, что и парочка у невесты.

Как свидетельствуют архивные данные²⁷, к венцу невеста поверх своей надевала одежду (не самую лучшую), подаренную женихом. Обычай одевать невесту «по-печальному» соответствовал первой — «горестной» части свадебного ритуала, когда она оплакивала расставание с «вольной волей». После перемены прически и девичьего убора на женский, *окручивания* невесты, и на другой день после венца — *в столы* — молодая одевалась особенно нарядно.

Одежда невесты и жениха зависела от экономического благосостояния. Если невеста или жених не имели одежды, необходимой для свадебного ритуала, ее занимали у односельчан, что не считалось предосудительным.

Выработанный веками ритуал свадьбы был сложен, и для его проведения всегда приглашался знаток — *дружка*. В разных селениях Сибири до конца XIX в. главный распорядитель на свадьбе назывался по-разному: *сторож*, *вежливек*, *большак*. Считалось, что он наделен особым могуществом и мог уберечь свадьбу от воздействия нечистой

нилась до наших дней²⁷. В казачьих селениях и в других районах Сибири такой обычай нами не зафиксирован.

В крестьянских русских селениях свадебную рубаху жениху невеста на протяжении XIX в. шила из тонкого белого холста с красивой застежкой — металлическими посеребренными *схватцами*. В старообрядческих деревнях Юго-Западной Сибири до начала XX в. невеста дарила жениху рубаху из тонкого же холста, но с богатой вышивкой и кумачными вставками. В Забайкалье только в селениях, расположенных по р. Чикой, до начала XX в. носили холщовые рубахи, в других же уездах уже в XIX в. нательную и верхнюю одежду шили из фабричных тканей.

С конца XIX в. в Сибири вошли в моду рубахи из цветной однотонной шерстяной материи, атласные, сатиновые с прямым или косым воротом на пуговках и плисовые штаны. Эту одежду обычно шила к свадьбе невеста. В русских

²⁷ А. А. Лебедева. Мужская одежда русского населения Западной Сибири. — В сб.: «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири». М., 1974, с. 218.

²⁸ П. Лепехин. Указ. раб., с. 20.

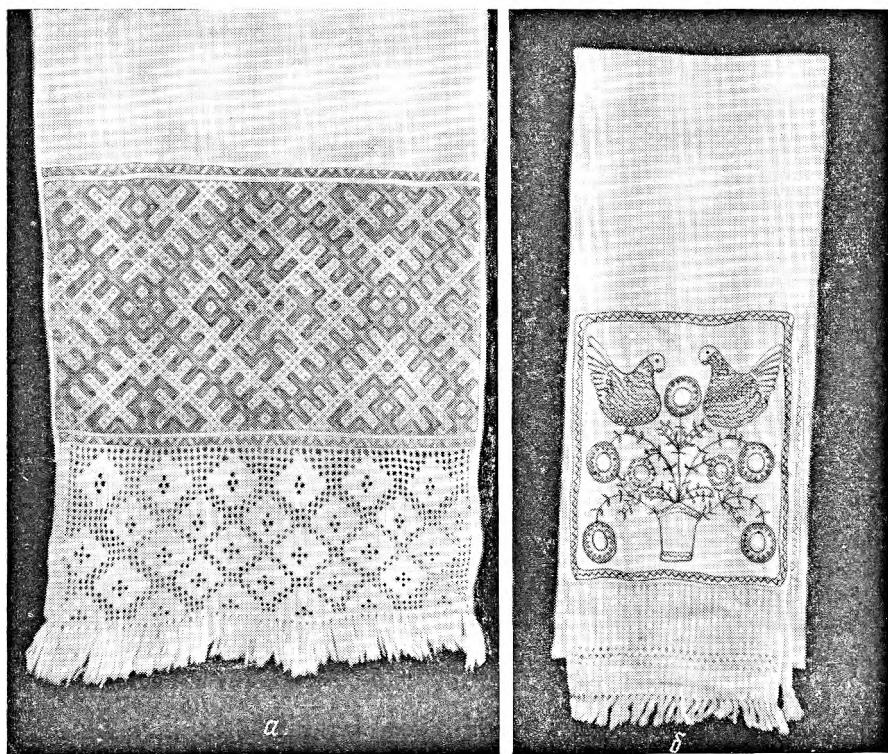

Рис. 4. *Дарные* полотенца. Начало XX в.: а — тканое полотенце с крестьянским кружевом. Алтай, с. Сибирячиха; б — вышитое полотенце. Тобольская губ., с. Курганское

силы²⁹. Со временем задачи оберега утратились и роль ведущего на свадьбе изменилась. Уже к началу XX в. это просто бойкий распорядитель, называемый *дружка*. По традиции он получал от невесты самые лучшие дары, одаривал дружку и жених.

На богатой свадьбе поезжане-мужчины получали в подарок от невесты цветные шелковые шали, которые они складывали по диагонали, надевали на шею, перекрещивали на груди, а концы затыкали сзади за опояску. На большинстве же свадеб шали в подарок от невесты получали только вежливцы и сваты, а другие почетные гости — шейные платки, которые привязывали к опояске.

В некоторых районах Тобольской губернии и Забайкалья в моде были полотенца — *дарные*, *платы*, *стеновые*. Каждый поезжанин получал дарное полотенце и повязывал его через левое плечо под правую руку. Дружке дарили два более нарядных полотенца, которыми он и повязывался в перекрест на оба плеча. В русских селениях южного Алтая дружке подносили богато украшенное стеновое полотенце, так называемый плат, а в горных районах Алтая — *замахное* (*маховик*) полотенце с одним широким (в два полотнища) украшенным концом. Такое полотенце дружка также надевал наискось через плечо. Он всегда имел нарядную плетъ — *хвост*, сплетенную из тонких сыромятных ремешков длиной до 50 см. Так, например, в Енисейской губ. хвост укреплялся в деревянной ручке — *кнутовище*, покрытой чехлом, узорно сплетенным из черного конского волоса и лебяжьего пуха. Ручка

²⁹ «Свадебные термины Тобольской губернии». — «Живая старина», кн. IV, 1899, с. 490; «Словарь русских народных говоров», вып. 4. Л., 1969, с. 95, 96.

Рис. 5. Полотенце *маховик*. Начало XX в.
Алтай, с. Алтайское

заканчивалась набалдашником из орнаментированной мамонтовой кости с колечком для закрепления кожаной петли — *дремы*, надеваемой на руку³⁰. В других местах были не менее интересные варианты плетей, а также *бичи*, о которых нам почти ничего не известно.

Приданое невесты отправляли в дом жениха сразу же после отъезда свадебного поезда в церковь. Приданое укладывали в деревянные сундуки — *ящички*, в лубяные или плетеные *коробья*, увязывали в тюки, причем старались уложить его на повозку так, чтобы вещей казалось больше, чем их было в действительности. Лица, отвозившие приданое, назывались *повозниками*, *коробейщиками*, *постельниками*. Вместе с приданым иногда отправлялись и дары для родных жениха. Родители жениха, встретив повозников и приняв приданое, одаривали их и угощали. Этот обряд назывался «выкупом постели невесты».

К приезду свадебного поезда «от венца», приданое невесты успевали разместить в

доме жениха, согласно традициям данной местности. Постель устраивали в отдельном помещении, традиционно называемом *подклет*, *клеть*. Иногда постель стелили свахи, пока новобрачные, приехавшие из церкви, сидели за столом с гостями. После обряда перемены прически («окручивания» новобрачной), который часто проводился в доме жениха, гости приглашались к столу. Новобрачные сидели здесь же за столом, где их величали, высказывали им добрые пожелания.

Одаривание *молодых* проводилось после первой брачной ночи, во время так называемого *большого стола*, за который гостей созывали уже сами молодые. Этот термин входил в употребление на утро после первой брачной ночи и сохранялся за новобрачными в течение года.

Во многих районах Сибири во время большого стола молодые после небольшого угощения обносили гостей вином, начиная с отца и матери молодого. Выпив вино, отец *клал* дары, т. е. перечислял те подарки, которые делал молодым; далее дары объявляли от себя мать, тесть, теща и поочередно все родственники молодых. Отец большей частью *клал* лошадь, мать — корову, тесть и теща также *кляли* какую-либо «живность». Ближайшие родственники молодых дарили мелкую живность: овец, кур, а иногда деньги или предметы хозяйственного обихода.

Большой стол богатой свадьбы изобиловал угощениями, начиная от холодных закусок и многочисленных горячих блюд и кончая чаем с домашним сдобным печеньем. На следующий день все гости собирались

³⁰ Государственный музей этнографии народов СССР, кол. 999, 1906 г. (Собрание А. А. Макаренко).

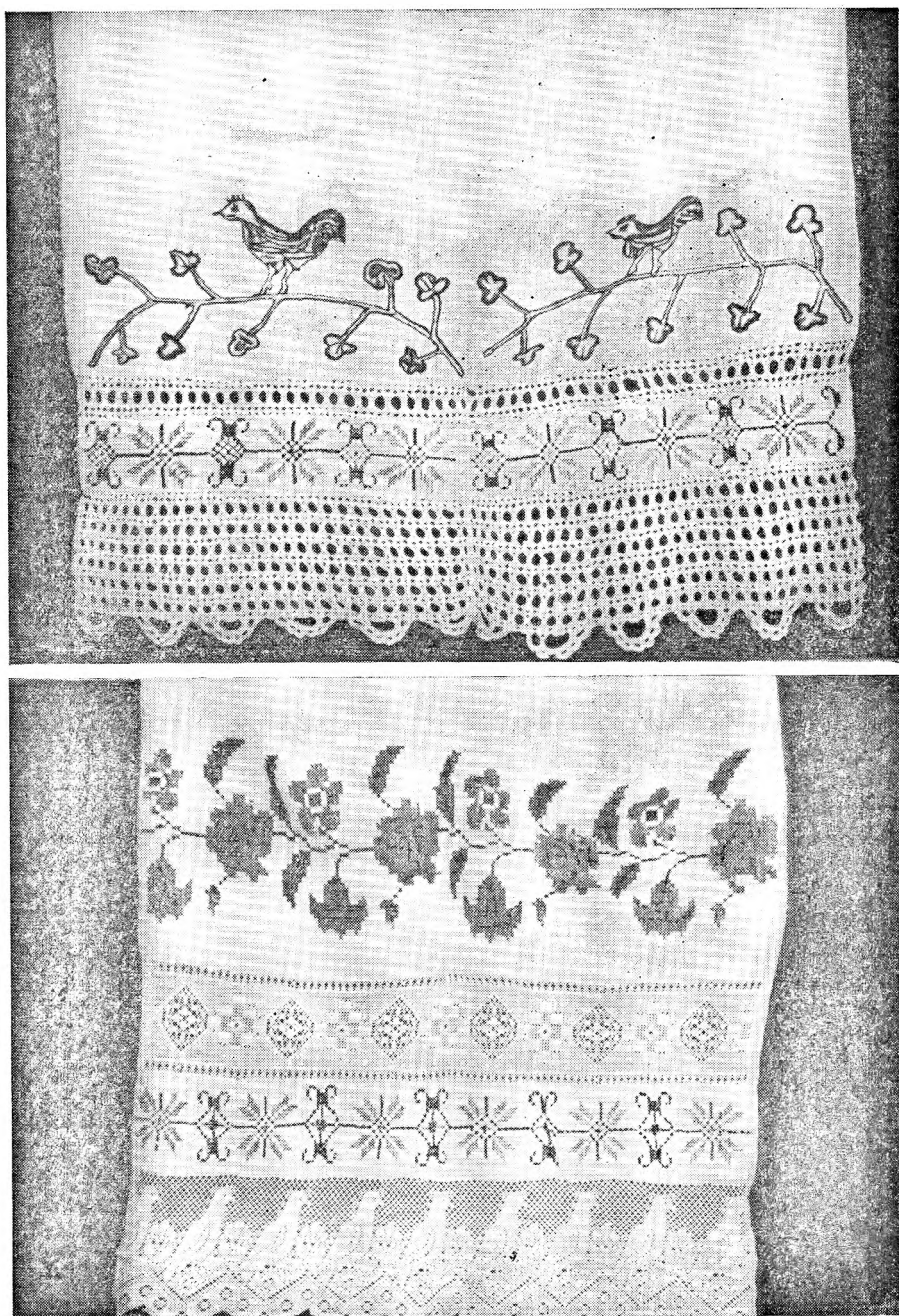

Рис. 6. Вышитые концы маховика. Начало XX в. Алтай, с. Алтайское

в доме молодых к так называемому *похмельному столу*, на который в Сибири обязательно подавали пельмени.

Иногда молодых после первой брачной ночи вели в баню, которую шутя топили только голиками. В бане молодая угощала узкий круг гостей блинами и пивом, а свекрови дарила рубашку. После бани в доме устраивался *столовый день* для всех гостей. Причем в Ишимском уезде тот, кто шел за стол, приносил свое вино. Следующий день в доме молодых назывался *пирожным*. Молодая с утра пекла блины и

угощала всех гостей, а ей *на блины* гости дарили, что могли. В условленный день молодые ехали к тестю на хлебины, куда приглашались и родственники. Иногда они приезжали в дом тестя с большим пряником, на который родственники клали подарки.

По традиции, молодых принимали в доме тестя на масленой неделе — «на блины». Во время угощения перед молодыми ставили блины, прикрытые шалью или материей на платье для молодой. Молодой должен был «выкупить блины», положив на стол деньги или подарок для тещи.

После угощения у тестя и тещи «на блинах» молодые приглашали всех гостей к себе на *расхожий* или отходный стол. Во время расхожего стола молодые благодарили родителей и родственников за помощь в устройстве свадьбы. В Шатровской волости Курганского уезда на протяжении XIX в. широко бытовала традиция послесвадебного гуляния в доме молодых на масленой неделе, а в селе Спасском такое гуляние проводилось еще совсем недавно (в начале 1950 г.). Называлось оно коральки³¹. Коральки — сдобное печенье в форме кренделька, которое пекли теща и все родственники со стороны молодой. Коральки (а их собиралось до 500 штук) приносили в дом тещи и складывали в большой короб. Кроме коралек, теща пекла пироги, готовила масло и другие продукты, ставила на воз и вместе с подарками молодому (на рубаху) и молодой (на сарафан) отправлялась в дом молодых в сопровождении нарядного веселого кортежа гостей на коральки. Там готовили столы для угощения и шуточные развлечения. Все родственники молодого приходили с выточенными деревянными веретенцами. По окончании угощения родственники молодой обменивали коральки у родственников молодого на веретенца, сопровождая обмен шутками. Мы полагаем, что веретенца и коральки аналогичны украинским пряхе и барильцу.

Те или иные элементы свадебного обряда русских селений Сибири обуславливались историей формирования населения и культурными контактами различных этнических групп на этой обширной территории.

В XIX в. наряду с сохранением ранних общерусских традиций (выставка невест, катание на лошадях во время смотрин, приглашение колдуна на свадьбу) здесь прослеживаются заимствования отдельных элементов у аборигенного населения. Это ковры в составе приданого: ковер, который невеста дарит жениху для свадебной повозки, ковровая попона для лошади, ковровая подпруга, тканые гарусные вожжи, верховой свадебный поезд с нарядными седлами работы казахских и бурятских мастеров и др.

В настоящей статье мы не могли рассмотреть все вопросы, связанные с материальными компонентами свадебного обряда русских старожилов Сибири. Привлеченный нами полевой и архивный материал, а также публикации говорят о большой роли материальных компонентов в свадебном обряде русского населения Сибири. Одни из них исчезают, другие появляются на определенном историческом этапе этнического развития народа. Изучение традиционной преемственности в русской свадьбе на огромной территории Сибири представляется нам интересным и весьма перспективным.

³¹ АИЭ, Материалы Западно-Сибирской экспедиции. Курганский отряд. Записи А. А. Лебедевой, 1972 г., л. 109.